

Новая геостратегия России:

последствия и вызовы для архитектуры
международной безопасности

Центр стратегических и внешнеполитических исследований

Новая геостратегия России: последствия и вызовы для архитектуры международной безопасности

Минск 2015

Новая геостратегия России: последствия и вызовы для архитектуры международной безопасности — Минск, 2015 г.

Авторы доклада описывают внешнюю политику Российской Федерации с момента, предшествовавшего началу украинского кризиса, как проявление рациональной, прагматичной и эффективной новой геостратегии Москвы. Рассматривается применение этой геостратегии в различных регионах мира, её международно-политическая природа, а также делаются рекомендации, направленные на сохранение современной архитектуры международной безопасности.

Авторы: Арсений Сивицкий, Юрий Царик (руководитель разработки).

© Центр стратегических и внешнеполитических исследований, 2015 г.

Резюме

Действия Российской Федерации в рамках украинского кризиса, а также на других направлениях внешней политики продиктованы не «историческими травмами» российской элиты или верой в «русский мир», а прагматичной новой геостратегией.

Эта новая геостратегия России состоит из следующих элементов:

1. Перенос линии стратегической обороны от своих границ к линии, проходящей через западную границу Калининградской области, Беларуси, Украины, Приднестровья, южные границы Абхазии и Южной Осетии в Восточной Европе и через восточные и южные границы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана в Центральной Азии;
2. Провоцирование нестабильности в странах вдоль этого стратегического периметра как инструмент уменьшения влияния и присутствия в данных регионах других мировых и региональных держав;
3. Нагнетание напряжённости в регионах мира, занимающих приоритетное положение во внешнеполитической повестке дня ключевых мировых держав, прежде всего на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
4. Содействие нарастанию конфликтной динамики, которая может обернуться повышением цен на энергоносители на мировых рынках (прежде всего, на Ближнем Востоке, а также в Центральной Азии).
5. Содействие подрыву единства Евро-Атлантики, дезинтеграции ЕС и НАТО, а также усилению напряжённости в отношениях между другими мировыми державами и региональными государствами (прежде всего, между США и Китаем, США и Ираном).
6. Углубление критической вовлеченности в глобальные и региональные процессы, чтобы в подходящие моменты времени обменивать свои позиции на признание со стороны мировых держав постсоветского пространства эксклюзивной сферой российских интересов.

Новая российская геостратегия крайне прагматична и нацелена на достижение вполне конкретных эффектов на временном горизонте от 1 до 4 лет. В долгосрочном плане она опирается на гипотезу о том, что её реализация обусловит такую эволюцию международных отношений, их институциональной и экономической среды, которая существенно улучшит долгосрочные перспективы России. Если новая геостратегия будет успешно реализована, то «новая холодная война», многополярная по своей природе, станет основной институциональной рамкой международной безопасности на обозримую перспективу. В устремлённости к этому результату интересы Москвы совпадают с интересами её многочисленных союзников по всему миру, некоторые из которых, например, неоконсервативные элиты в США, возможно, играют не подчинённую или равноправную, а руководящую по отношению к действиям Москвы роль.

Содержание

Резюме.....	5
Вступление	7
«Сфера влияния»: интеграционные проекты и геостратегия России.....	8
Украинский кризис и «пояс нестабильности».....	9
Новое позиционирование России на Ближнем Востоке	10
Россия и ЕС после начала украинского кризиса	12
«Поворот на Восток» — с какой целью?	13
Политическая природа и calculus российской геостратегии.....	14
Выводы и рекомендации	16
Центр стратегических и внешнеполитических исследований.....	21

Вступление

Украинский кризис создал принципиально новый контекст для взаимодействия с Российской Федерацией как Соединённых Штатов Америки, стран Европейского союза, так и других государств.

Россия начала рассматриваться в западных странах как источник угрозы и во всех странах мира — как активный актор, стремящийся влиять на формирование глобальной повестки дня. Однако при этом идеологическое оформление внешнеполитических устремлений Российской Федерации, связанное с концепциями «русского мира», «разделённого народа» и другими, получило незаслуженно широкое внимание фабрик мысли и медиа. В то время как реальные, рациональные мотивы, лежащие в основе решений Москвы, остаются плохо изученными.

Основываясь на анализе открытых данных, эксклюзивной информации из дипломатических, военных и иных источников, авторы настоящего исследования сформулировали собственное видение механизмов и логики действия Российской Федерации на международной арене. Авторы твёрдо убеждены, что действия Москвы должны быть поняты как прагматичные и рациональные. Только на этой основе могут быть сделаны эффективные выводы и рекомендации относительно дальнейшего взаимодействия ключевых стейкхолдеров.

Несмотря на ряд жёстких формулировок, содержащихся в тексте, авторы настоящего доклада не питают неприязни к России и не стремятся сделать доклад манифестом русофобии.

Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы содействовать лучшему пониманию этого курса, выработке и реализации мер, которые позволят не допустить разрушения существующей системы международной безопасности.

«Сфера влияния»: интеграционные проекты и геостратегия России

Важнейшим фактором, определяющим российскую внешнюю политику, является «территориальный императив» — стремление российского руководства обеспечить контроль над постсоветским пространством как «сферой влияния» Москвы.

На протяжении всего периода после 1991 года и особенно — начиная с 1999 года, в России обсуждались и реализовывались как минимум два различных геостратегических видения в отношении «ближнего зарубежья».

Одно из них было связано с реинтеграцией постсоветского пространства на основе принципа суверенного равенства и экономической кооперации, по модели Европейского союза. Это видение воплощалось в таких проектах, как Таможенный союз, ЕврАзЭС и сейчас Евразийский экономический союз.

Второе же видение было связано с утверждением российского национального государства и защитой его «сферы влияния» на основе односторонних действий Москвы (в последнее время оно стало более известно под названием «русский мир»¹). Этот второй подход к реинтеграции постсоветского пространства мало озвучивался и обсуждался в официальных источниках на высоком уровне. Однако фактические результаты развития постсоветского пространства, а также детальный анализ российской политики после 1991 года показывают, что именно этот императив имел и имеет приоритетное значение для лиц, принимающих ключевые решения в России.

Сырьевая модель экономики России не позволяет ей выступить в качестве полноценного центра интеграционного притяжения, даже при глубокой взаимозависимости и культурной близости экономик и обществ постсоветского пространства. Давление Европейского союза с одной стороны, Китайской Народной Республики с другой, а в перспективе — быстро развивающегося Ирана на южном фланге ведёт к стремительной утрате Москвой своего влияния на постсоветском пространстве. И это заставляет российское руководство искать пути сохранения своей «сферы влияния».

В период с 2009 по 2013 годы Кремль делал акцент на формировании Евразийского экономического союза — интеграционного образования европейского образца — как самостоятельного центра притяжения, благодаря которому Москва могла бы выстраивать равноправный диалог с Брюсселем и Пекином. Однако к концу 2013 года тупиковость усилий российских властей в сфере модернизации² стала очевидной: официальными

¹ Авторы сознательно используют популярный в медиа термин «русский мир» для обозначения современного геополитического проекта и абстрагируются от содержания данной концепции, зародившейся в России ещё в XIX веке.

² Независимо от того, были это реальные усилия или лишь их имитация для того, чтобы «продать» риторику модернизации общественному мнению в стране.

структурами и экспертным сообществом ещё до начала украинского кризиса на 2014 год прогнозировалась стагнация либо минимальный экономический рост (0,2 %). И это — на фоне запуска Китаем амбициозного проекта Экономического пояса Шёлкового пути.

В этих условиях вновь вставшая проблема европейской интеграции Украины подтолкнула Кремль к открытому изменению своего *modus operandi* на постсоветском пространстве. В качестве единственно доступного способа предотвращения европейской интеграции Украины была выбрана дестабилизация данного государства. Если ранее российские или подконтрольные России элементы принимали участие в дестабилизации отдельных частей СССР непублично (как в случаях с государственным переворотом в Кыргызстане, попыткой государственного переворота в Беларуси в 2010 году), то в случае с Украиной Российская Федерация открыто поддержала (и/или организовала) дестабилизацию обстановки в формально дружественном ей государстве. Это и стало первым широко известным проявлением новой геостратегии России.

Украинский кризис и «пояс нестабильности»

Плохо осмысленным в публичном пространстве является тот факт, что прямое вмешательство Москвы в украинский кризис осуществлялось не с 21 февраля 2014 года (день бегства президента Виктора Януковича из Киева), а значительно раньше.

Вопреки заявлениям об ущемлении интересов России в результате государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года, сами российские власти на протяжении декабря 2013 — февраля 2014 гг. не предприняли ни одной попытки его предотвратить. Москва не оказывала Виктору Януковичу никакой эффективной поддержки в разрешении возникшего политического кризиса. Несмотря на отказ президента Украины от подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом в ноябре 2013 года, несмотря на продемонстрированную им готовность идти на тесную интеграцию с Российской Федерацией в декабре 2013 года, В.Янукович так и не получил необходимой для восстановления стабильности политической, информационной и силовой поддержки со стороны России.

Более того, имеются обширные свидетельства того, что «антироссийские», радикально националистические структуры в Украине (включая Партию свободы, «Правый сектор» и другие) создавались при существенной поддержке и участии российских структур. Прежде всего, эту поддержку оказывали специальные службы, радикальные националистические организации, многие выходцы из которых влились в соответствующие украинские структуры, а также криминальные структуры, особенно — на западе Украины, имеющие через российские преступные сети глубокие связи с российскими специальными службами.

Вопреки официально озвученной Владимиром Путиным версии о начале подготовки спецоперации по присоединению Крыма к Российской Федерации лишь после потери Виктором Януковичем власти, очевидным и подкреплённым рядом свидетельств является то, что подобная операция не могла и не готовилась в столь короткий — менее чем

трёхнедельный — срок (от бегства В. Януковича до проведения референдума в Крыму). Осуществление столь масштабных действий по блокированию украинских военных, подкупу или вербовке территориальных подразделений милиции и службы безопасности в Крыму требует масштабного планирования и подготовки в течение минимум нескольких месяцев. Это означает, что в тот период, когда Виктор Янукович ещё находился у власти (с конца ноября 2013 года до конца второй декады февраля 2014 года), российское руководство сознательно готовило операцию по аннексии Крыма³, а не пыталось предотвратить «иностранное вмешательство во внутренние дела Украины».

Анализ украинского кризиса является крайне важным для понимания сути геостратегической доктрины Российской Федерации. Москва не может сохранить своё влияние в регионе за счёт экономического сотрудничества и «мягкой силы». Поэтому она организует военно-политическую дестабилизацию стран региона для ослабления здесь позиций других государств и интеграционных объединений (ЕС, Китая, Ирана, США). Создание такого «пояса нестабильности» по периметру своих границ создаёт множество позитивных эффектов для Москвы. Помимо выдавливания внерегиональных держав из своей «сферы влияния» это также бонусы в виде территориальных приобретений, возможность дёшево вывезти на свою территорию оборудование, квалифицированные кадры и научно-технические разработки из нестабильных территорий.

Кроме того, нестабильность снижает издержки внешней политики России. Так, союзное Российской Федерации государство Республика Беларусь, экономика которой тесно интегрирована с российской, в 2013-2014 годах обходилась России в 8–10 миллиардов долларов в год, предоставляемых за счёт скидки на цены на газ и беспошлинных поставок нефти. В то же время ранее сопоставимый с Беларусью по населению и промышленному потенциалу, а теперь ведущий войну Донбасс «стоит» около 1 миллиарда долларов на поддержку вооружённых сил и других силовых структур Донецкой и Луганской Народных Республик. Такая же или даже большая сумма тратится на гуманитарную помощь, однако данная помощь в основном продаётся населению воюющих районов, то есть, обеспечивает доход для «доноров».

Иными словами, в краткосрочной и среднесрочной перспективе удержание постсоветского пространства в сфере собственного влияния за счёт его дестабилизации представляется вполне рабочей стратегией для Российской Федерации.

Новое позиционирование России на Ближнем Востоке

Второй, не менее важный императив российской внешней политики — это императив «нефтяной». Российская экономика полностью зависит от экспорта нефти, газа и ряда других сырьевых ресурсов. Страна со времён крушения Советского Союза полностью утратила

3 По информации наших источников, подготовка данной операции началась не позднее октября 2013 года. Планирование же её началось, вероятно, значительно раньше.

промышленную и технологическую состоятельность и превратилась в классическую сырьевую экономику, импортирующую почти всё необходимое в обмен на экспортируемое сырьё. Лозунги модернизации времён президента Дмитрия Медведева и новая «патриотическая» волна последних двух лет не изменили данную ситуацию к лучшему.

«Нефтяной императив» определяет приоритеты российской геостратегии в регионе Большого Ближнего Востока. Здесь Москва вынуждена использовать свои ресурсы для поддержания и усиления конфликтной динамики. Это объясняется тем, что только сценарий большой войны на Ближнем Востоке обеспечивает необходимое для России повышение цен на нефть.

За весну — лето 2015 года Российская Федерация выстроила или укрепила отношения со сторонниками военного решения противоречий в регионе в Саудовской Аравии, Израиле, Иране. Москва сделала всё возможное, чтобы затянуть заключение стратегической сделки по иранскому ядерному досье и таким образом усложнить процесс вступления её в силу. Заключённая в июне 2015 года российская стратегическая сделка с Саудовской Аравией послужила своеобразной гарантией Королевству в дружественном нейтралитете Москвы при возникновении конфликта с Ираном, а также сделала Москву важным фактором процесса приобретения Эр-Риядом ядерного статуса. Ранее в ходе голосования в Совете Безопасности ООН по ситуации в Йемене Россия также фактически поддержала проект резолюции, устраивавший Саудовскую Аравию и предполагающий односторонние ограничения в отношении повстанцев-хуситов. Наконец, усилия России в Сирии направлены преимущественно на предоставление Башару Асаду альтернатив союзу с Ираном, а также на создание безопасных условий для совместной разработки шельфовых месторождений газа в восточном средиземноморье с партнерами из Египта, Израиля, Италии, Турции и других государств на фоне стремительных успехов Исламского государства и Аль-Каиды в регионе.

Стремление Москвы поставить в Иран комплексы противоракетной обороны С-300 также направлено, в первую очередь, на достижение политического эффекта — укрепление в Тегеране позиций «партии войны» и срыв американско-иранской нормализации. Озвученная Израилем информация о разработке технологий преодоления защиты С-300 делает их поставки в Иран во многом бессмысленными в военном плане. Кроме того, согласно обнародованной в 2012 году WikiLeaks переписке сотрудников Stratfor, незадолго до российско-грузинского конфликта в августе 2008 года в обмен на коды для поставленных в 2006 году в Иран российских комплексов ПВО «Тор М-1» Россия получила от Израиля коды доступа к израильским беспилотным летающим аппаратам, состоявшим на вооружении у Грузии. То есть, основанная на российском оборудовании система ПВО Ирана может оказаться несостоятельной в военном плане.

Показательным также является отсутствие реального содействия с российской стороны в деле борьбы против Исламского государства, особенно — в Центральной Азии. На Ближнем Востоке, оказывая помощь очевидно утратившему поддержку даже собственных сторонников правительства Башара Асада, Москва наращивает свою региональную роль, создаёт альтернативу военному присутствию здесь Ирана и избегает при этом решительных шагов по реальной поддержке военных действий против ИГ. Вовлеченность российской стороны в переговоры с США на предмет совместного противодействия ИГ в этом контексте также призвана, скорее, повысить критический вес России в региональных делах, нежели помочь США в реализации целей и задач антитеррористической коалиции.

Таким образом, Российская Федерация на Ближнем Востоке осуществляет и будет продолжать разнонаправленные действия по нескольким трекам — дипломатическому, военному, разведывательному. Данные действия не будут взаимно согласованными и последовательными с точки зрения позиций официального Тегерана и Вашингтона. Военно-политическое присутствие России на Ближнем Востоке ставит целью оказывать критическое влияние на динамику региональных конфликтов и кризисов, что подразумевает в том числе содействие сохранению или усилению конфликтной динамики.

Россия и ЕС после начала украинского кризиса

Российская геостратегия на западном направлении не сводится к одному лишь укреплению влияния Москвы на страны Восточной Европы посредством дестабилизации постсоветской части региона. Она диктует более глубокую вовлечённость Москвы в дела Старого Света.

Прежде всего, Россия заинтересована в подрыве институционального единства НАТО и Европейского союза. Только при этом условии станут в полной мере реализуемыми приоритеты Москвы на постсоветском пространстве. В рамках этой задачи Россия ведёт активную политику по поддержке евроскептиков (как националистического, так и левого толка) во всех странах ЕС, а также выстраивает «особые отношения» с государствами, по разным причинам недовольными навязываемой Брюсселем финансовой дисциплиной и другими правилами (Греция, Венгрия, Италия, др.).

Второй стратегической задачей Российской Федерации является разрушение евро-атлантического единства, особенно — между США и их европейскими союзниками (прежде всего, Францией и Германией), как в военно-политической, так и в экономической и финансовой сферах. Данная работа осуществляется под лозунгом «защиты интересов Европы», которую Вашингтон якобы принуждает к «невыгодной» ей «антироссийской политике». Данная риторика лежит в основе попыток выстроить «особые отношения» между Москвой с одной стороны и Берлином и Парижем с другой. Немаловажную роль в установлении взаимопонимания играет и временное совпадение интересов ведущих стран ЕС с изменившимися интересами России на Ближнем Востоке.

Тем не менее, расчёт европейских политиков на согласование интересов России и ЕС является глубоко ошибочным. «Нефтяной императив» новой геостратегии России может быть реализован в среднесрочном плане при одновременном выполнении двух условий:

- начало «большой войны» на Ближнем Востоке, которая подтолкнёт цены на энергоносители вверх и позволит предотвратить прямое их направление из Ближнего Востока (Ирана, Ирака, Ливии) в Европу в значительных объёмах;
- разрушение институциональных механизмов Европейского союза в энергетической сфере, а в идеале — дезинтеграция ЕС и вступление отдельных государств Европы в переговоры о

поставках энергоносителей с Российской Федерацией (и её партнёрами) на двусторонней основе, что позволит Москве более эффективно диктовать собственные условия.

Выполнение тех же условий необходимо для того, чтобы доминирующие позиции России в её «сфере влияния» (на постсоветском пространстве) были надёжно защищены от притязаний ЕС.

«Поворот на Восток» — с какой целью?

Резкое ухудшение отношений Российской Федерации со странами Запада после начала украинского кризиса в 2014 году привело к ускорению начавшегося ещё ранее «поворота» Москвы «на Восток». Под этой формулой геостратегии России понимают обычно выстраивание «особых отношений» с Китаем, основанных на стратегическом обмене «ресурсы за промышленные товары и технологии», а также на декларируемом сближении в военно-технической сфере. Кроме того, «поворот на Восток» до украинского кризиса предполагал также активизацию отношений с Японией и Южной Кореей, формирование зоны свободной торговли между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом, а также интенсивное развитие дальневосточных территорий Российской Федерации.

Украинский кризис резко изменил контекст реализации планов Москвы относительно «поворота на Восток». Китай резко негативно отнёсся к прецеденту отторжения от Украины Крымского полуострова, а также в целом к практике нарушения территориальной целостности государств в рамках украинского кризиса. Кроме того, КНР понесла огромные потери из-за дестабилизации непосредственно в Украине: объекты, которые должны были стать неотъемлемой частью проекта Экономического пояса Шёлкового пути (глубоководный порт и индустриальный парк в Крыму, энергетические проекты в Донбассе и др.), оказались нереализуемы.

Непросто складываются китайско-российские взаимоотношения и в регионе Центральной Азии. Здесь Пекин изначально, с момента выдвижения проекта Экономического пояса Нового Шёлкового пути в сентябре 2013 года демонстрировал известную долю пренебрежения к процессам евразийской интеграции и выстраивал свою дипломатию так, как будто Евразийский экономический союз в регионе не существует. Эта ошибочная линия, однако, была исправлена китайским руководством в течение 2014 года, в результате чего родилась формула сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (соответствующая политическая декларация была подписана в Москве 9 мая 2015 года). Роль же основного партнёра Китая в Восточной Европе при реализации проекта ЭПШП перешла к Беларуси на условиях, совместимых с правовым регулированием в рамках ЕАЭС.

Несмотря на такие существенные корректировки позиций со стороны Пекина, перспективы китайско-российских отношений выглядят крайне противоречиво. В среднесрочной и даже краткосрочной перспективе Российская Федерация неспособна противопоставить растущему китайскому влиянию в регионе Центральной Азии какие-либо серьёзные

собственные экономические инициативы. Более того, сам по себе экономический кризис в России, многократно усиленный последствиями военно-политического конфликта на территории Украины, уже привёл к подрыву стабильности «миграционных» экономик центрально-азиатских республик. Поэтому Москва будет вынуждена использовать в Центральной Азии ту же стратегию, которая применяется ей на западном фланге постсоветского пространства: дестабилизация с целью предотвращения роста иностранного влияния.

Данная стратегия на южном фланге имеет свои дополнительные преимущества, поскольку позволяет не только ограничивать экспансию Китая в регионе, но и использовать регион для давления на сам Пекин. Прежде всего, дестабилизация Центральной Азии позволяет нарушить энергетические коммуникации Пекина и существенно увеличить его интерес к России как источнику энергоресурсов. Кроме того, активные действия в Центральной Азии неизбежно связаны с использованием Москвой исламистского фактора, который имеет огромный потенциал для организации давления на Китай на его западных территориях.

Однако ещё более важным, чем удержание постсоветского пространства и организация давления на Китай, является другой потенциальный эффект дестабилизации Центральной Азии. Такая дестабилизация может спровоцировать Китай на более активное присутствие в Центральной Азии, в том числе — в военно-политической плоскости. Такой шаг при отсутствии должной координации между Пекином и Вашингтоном может стать причиной резкого ухудшения американско-китайских отношений, что является стратегическим приоритетом для Москвы. Победа в Пекине антиамериканских сил, которой может способствовать дестабилизация западных рубежей КНР, неизбежно приведёт к росту напряжённости в регионе Юго-Восточной Азии и заставит Пекин искать компромисса с Москвой в Центральной Азии, а также по вопросу о поставках российских энергоносителей в Китай.

Инструментарий реализации российской геостратегии в Центральной Азии включает как непосредственное влияние на силовые ведомства стран региона (прежде всего, ведомства государственной безопасности), так и обширное влияние российских спецслужб на исламистское подполье. Москва была и остаётся крупнейшим вербовочным центром для радикальных исламистских организаций, использующих бедственное положение центрально-азиатских мигрантов в Российской Федерации. В том числе значительная часть центрально-азиатских рекрутов для Исламского государства и сирийской радикальной оппозиции попадают в регионы ведения боевых действий через Москву. Активная вербовка осуществляется и в других крупных городах России.

Политическая природа и calculus российской геостратегии

Как нетрудно увидеть, новая российская геостратегия крайне прагматична и нацелена на достижение вполне конкретных эффектов на временном горизонте от 1 до 4 лет. При этом она выглядит крайне рискованной с точки зрения более долгосрочных эффектов. Итогом

реализации изложенных внешнеполитических императивов, очевидно, станет открытая конфронтация России с южными (Китай, Иран) и западными (страны ЕС) соседями.

Тем не менее, российская стратегия представляется вполне приемлемой для Москвы, если принимать во внимание её подлинно международный характер. Она опирается на гипотезу о том, что реализация новой геостратегии обусловит такую эволюцию международных отношений, их институциональной и экономической среды, которая существенно улучшит долгосрочные перспективы России.

Для того, чтобы точно охарактеризовать это гипотетическое направление эволюции международных отношений, следует обратить внимание на союзников Москвы в её новой геостратегии.

Самым важным союзником, а возможно, и ментором России в её новой геостратегии являются неоконсервативные элиты США. Война на Ближнем Востоке и недопущение роста региональной роли Ирана, недопущение усиления Европейского союза и доступа ЕС к дешёвым энергоносителям, наконец, сдерживание Китая вплоть до военного столкновения США с ним — во всех этих приоритетах интересы неоконсерваторов согласуются с новой геостратегией России. Более того, реализуя собственную новую геостратегию, Москва оказывается главным партнёром для неоконсерваторов, если не их инструментом.

Весьма показательными в данном контексте являются почти не скрываемые симпатии российского политического класса к фигурам неоконсервативных политиков. Прежде всего, речь идёт о позитивном восприятии Джорджа Буша старшего, который описывается как политик, стремившийся выстроить равноправные отношения между США и постсоветской Россией, а также Джорджа Буша младшего, имевшего хорошие личные отношения с Владимиром Путиным. Показательна также комплиментарность российской пропаганды к компании Stratfor и её руководителю Джорджу Фридману, который посещал Москву в декабре 2014 года, выступив с рядом лекций и проведя встречи с высокопоставленными российскими чиновниками. Не менее показательным стал сюжет с намерением российских властей привлечь Шелдона Адельсона в качестве консультанта при создании игровой зоны в Крыму с марта 2014 года (от проекта пришлось отказаться под давлением общественности). Наконец, неоспоримой является роль помощника Госсекретаря Виктории Нуланд — яркого представителя неоконсервативов — в украинском кризисе, столь важном для новой геостратегии России, а также выбор её в качестве партнёра для двустороннего формата обсуждения этого кризиса (формат «Нуланд-Карасин»). Эти и другие обстоятельства вполне однозначно свидетельствуют о степени схождения интересов Москвы и американских неоконсерваторов.

В этой связи следует обратить особое внимание на роль поддерживаемых этой группой кандидатов на предстоящих президентских выборах в США. «Новая холодная война», если она будет полностью развёрнута в информационном пространстве США, станет оптимальным контекстом для всестороннего усиления позиций неоконсерваторов в американской политике, в том числе — на выборах президента страны.

Ведущая роль американских неоконсерваторов в формировании архитектуры «новой холодной войны» дополняется активной ролью других союзных им элитных групп в различных странах и регионах. Прежде всего, речь идёт об Израиле (правительство Б. Нетаньяху), Саудовской Аравии (фракция сторонников «жёсткой линии» во главе с Мухаммадом бен

Салманом), союзных СА Египте и Пакистане, а также о «ястребах» в Иране (аятоллы и консервативные круги КСИР). Важный партнёром американских неоконсерваторов и российских властей являются антиамериканские элитные группы в Китайской Народной Республике, выступающие в качестве внутренней оппозиции нынешнему председателю КНР Си Цзинпиню.

Международная коалиция, частью которой является Россия с её новой геостратегией, основана, прежде всего, на общности интересов. Состояние многомерной и многосторонней конфронтации, которое будет сформировано при успешных действиях этой коалиции, создаёт эффекты, которые в большей степени отвечают системным интересам каждого из участников коалиции, чем эффекты, производимые состоянием мира. К числу таких эффектов можно отнести следующие:

- повышение цен на нефть и газ, ряд других сырьевых ресурсов;
- резкое расширение мирового рынка оружия, повышение доли оборонных расходов в структуре расходов большинства стран мира;
- расширение сферы нелегальной торговли и рост объёма соответствующих финансовых операций;
- расширение полномочий и снижение прозрачности и подотчётности специальных служб, правоохранительных органов, оборонных ведомств;
- создание образа «внешнего врага» для ужесточения политического и экономического режима внутри каждой из участвующих стран.

Важным аспектом действий международной коалиции является то, что формируемая конфликтная международная среда не носит характер взаимной тотальной войны на уничтожение ключевых акторов. Для национальных элит, продвигающих «новую холодную войну», данный конфликт является игрой с положительной суммой. Он создаёт среду, оптимальную для достижения обозначенных выше эффектов, а также для непубличной коммуникации участников коалиции между собой. Поэтому такой тип эволюции международных отношений можно рассматривать как процесс формирования новой архитектуры международной безопасности. Её можно условно назвать «многополярная холодная война».

Выводы и рекомендации

Новая геостратегия Россия и концепция «многополярной холодной войны» затрагивают без исключения все страны мира в самых разных измерениях. Однако при всей тотальности данного явления в нынешней ситуации важно выделить те критические точки, от которых зависит сохранение современной архитектуры международной безопасности. Прежде всего, очевидно, что для этого необходима реализация пяти стратегических приоритетов:

1. Обеспечение преемственности внешне- и внутривластного курса следующей администрации по отношению к курсу администрации Барака Обамы. Консолидация истеблишмента США на платформе, альтернативной неоконсерватизму. Недопущение победы кандидата от неоконсерваторов на выборах 2016 года.

2. Сохранение стратегического американско-китайского партнёрства, деэскалация напряжённости в Южно-Китайском море, заключение китайского и американского соглашений о свободной торговле для Азиатско-Тихоокеанского региона и поиск путей взаимодействия этих объединений.

3. Сохранение евро-атлантического единства, включая единство НАТО, а также единства Европейского союза. Заключение соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве и увеличение вклада экономик США и ЕС в глобальный экономический рост.

4. Сохранение политической стабильности в Китае, завершение чистки рядов КПК и устранение от рычагов власти сторонников агрессивного поведения Пекина в Центральной Азии и в регионе АТР. Реализация китайского проекта Экономического пояса Шёлкового пути при учёте всех затрагиваемых государств, его сопряжение с Евразийским экономическим союзом и другими интеграционными объединениями в Евразии.

5. Продолжение нормализации американско-иранских отношений и переход их к этапу стратегического партнёрства двух стран. Недопущение «большой войны» с участием Ирана на Ближнем Востоке и повышение региональной роли Тегерана как на западных, так и на восточных рубежах страны с целью стабилизации ситуации и создания прочного баланса сил.

Реализация указанных пяти приоритетов создаёт в мире необходимое пространство сотрудничества и экономического развития для решения глобальных проблем человечества, снижения конфликтности и улучшения ситуации в других регионах мира. Для этого необходимо выполнение ряда мер, которые предотвратили бы начало «новой холодной войны» в ближайшее время.

1) Поддержка Украины со стороны США и ЕС должна быть продолжена. Главной целью такой поддержки является консолидация центральной власти в Киеве и обеспечение управляемости ситуации в стране. Начатые чистки силовых органов от представителей «профессиональных революционеров» — лиц, выдвинувшихся на руководящие посты в ходе революционных событий, — а также от представителей старой украинской номенклатуры, связанной с Россией, должны быть продолжены и затронуть также другие государственные органы, включая правительство. Радикальные националистические организации и «добровольческие батальоны» должны постепенно быть распущены. Особенно важной будет экономическая поддержка Украины в зимний период 2015 — 2016 гг. При этом поставки летальных вооружений из США в Украину не должны начинаться, чтобы дверь для мирного выхода России из конфликта оставалась открытой.

2) Европейские политики должны трезво оценить сочетание таких факторов, как рост ультраправых настроений и дальнейшее нарастание миграционного потока в Европу из стран Африки и Ближнего Востока. Необходимо признать, что авантюрная политика ряда европейских государств в союзе с неоконсервативными кругами в США в 2010–2015 гг.

способствовала дестабилизации этих регионов и возникновению нынешних проблем. Европа должна выработать стратегию противодействия «правому повороту» в политике как необходимое условие сохранения единства и стабильности ЕС. Должен быть резко усилен контроль над финансовыми потоками, идущими из России и США на поддержку правых и ультралевых общественно-политических организаций.

3) Страны ЕС и особенно Германия должны трезво оценить перспективы их сотрудничества с Российской Федерацией. Выдвигаемое Москвой предложение «дружить вместе против США» с неизбежностью обернётся более агрессивной ролью России в Европе и закреплением состояния «новой холодной войны». Данный сценарий чреват разрушением единства ЕС и НАТО и тем, что страны Европы будут иметь дело с агрессивной Россией по отдельности и в перспективе попадут под ещё большее одностороннее военно-политическое влияние США. Руководству ЕС следует быть готовым к тому, что долговые и экономические проблемы всех стран союза (особенно — Греции, Венгрии, Италии, Испании, Португалии), а также другие болезненные точки разногласий (например, по миграционной политике) могут быть использованы для подрыва единства ЕС и НАТО.

4) США и страны ЕС должны учитывать высокую вероятность военно-политической дестабилизации Республики Беларусь в течение ближайших трёх-шести месяцев и предпринять меры, позволяющие снизить вероятность этого сценария. К деструктивным шагам в отношении своего западного союзника Россию подталкивает тупиковая ситуация в Украине (частичная потеря влияния на СБУ и украинские радикальные националистические организации, угроза новых санкций) в сочетании с практически неизбежным витком кризиса в российской экономике осенью 2015 года, который потребует, в свою очередь, новой волны мобилизации общественного мнения на основе риторики «военного времени». Намерения Беларуси твёрдо придерживаться нейтральной и миротворческой позиции в украинском конфликте, нормализовать отношения с ЕС и США, стать надёжным партнёром КНР по проекту Экономического пояса Шёлкового пути прямо противоречат новой геостратегии России и подталкивают Москву к повторению украинского сценария в этой стране. Проходившие в конце августа военные учения КСОР ОДКБ «Взаимодействие — 2015» косвенно свидетельствуют о подготовке сценария ввода российских войск на территорию Беларуси⁴. Поводом для такого шага может стать решение Минска отказаться от размещения российской авиационной базы на своей территории и подорвать тем самым мирный процесс в Украине. Важным аргументом в пользу организации смены режима в Беларуси для российского руководства является то огромное влияние, которое Россия имеет на специальные службы, государственный аппарат, директорат государственных предприятий, информационное пространство и экономику Беларуси. В то же время высшее руководство Республики Беларусь недвусмысленно обозначило безальтернативность для него цели сохранения суверенитета страны, что даёт некоторые основания для оптимизма.

5) Иранскому руководству следует в полной мере оценить риски углубления сотрудничества с Российской Федерацией, открыто взявшей курс на формирование стратегического альянса с Саудовской Аравией и Израилем. В случае военного конфликта на Ближнем Востоке Москва, как и в случае с Сирией, будет проводить сложную многоуровневую политику, нацеленную на поддержание состояния конфликта и предотвращение решительной побе-

⁴ Согласно легенде учений, в ответ на дестабилизацию военно-политической обстановки незаконными вооруженными формированиями в условном восточноевропейском государстве-члене ОДКБ его правительство принимает меры по стабилизации обстановки и в целях наведения конституционного порядка обращается к Совету коллективной безопасности ОДКБ на ввод и применение КСОР на его территории.

ды одной из сторон и особенно — Исламской Республики Иран. Тегерану также следует учитывать высокую вероятность дальнейшей дестабилизации на северо-восточных и восточных рубежах (в Туркменистане и Афганистане) с полномасштабным развёртыванием в регионе инфраструктуры Исламского государства.

6) Иранскому, сирийскому и американскому руководствам следует учитывать двойственную позицию Москвы в рамках сирийского кризиса. В рамках новой геостратегии ликвидация Исламского государства не является приоритетом для российского руководства ни на Ближнем Востоке, ни в Центральной Азии. Главным «призом» для Москвы от участия в антитеррористической коалиции на Ближнем Востоке является, во-первых, выстраивание самостоятельных, независимых от Ирана отношений России и правительства Башара Асада, и во-вторых, вовлечение иранского руководства в поддержку проекта новой архитектуры международной безопасности, недопущение такой степени нормализации американско-иранских отношений, при которой возможности России оказывать критическое влияние на динамику региональных процессов были бы подорваны. Кроме того, Россия рассчитывает принять участие в энергетических проектах в регионе на выгодных для себя условиях.

7) Руководству Китая, а также руководствам Ирана, Афганистана, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана следует учитывать низкую приоритетность для новой геостратегии России задач борьбы с Исламским государством и другими исламистскими движениями в Большой Центральной Азии. Дестабилизация Центральной Азии в определённых пределах является приемлемым риском для Российской Федерации на фоне тех выгод, которые может получить Москва при разрушении американско-китайского партнёрства, отвлечении внимания и ресурсов Пекина на Азиатско-Тихоокеанский регион, а также достижении Россией статуса главного поставщика энергоресурсов в Китай.

8) Китайскому и американскому руководствам совместно с партнёрами из Ирана и Индии, а также странами региона, целесообразно рассмотреть специальные временные меры, направленные на военно-политическую и экономическую стабилизацию и развитие Центральной Азии. Для Китая было бы целесообразно стать участником антитеррористической коалиции, создаваемой США в Центральной Азии, и всесторонне поддержать её деятельность. Следует также выработать порядок взаимодействия и предметные роли каждой из заинтересованных сторон на случай углубления дестабилизации ситуации в регионе.

9) Важной задачей для всех заинтересованных является выработка подхода и методики анализа международных отношений, учитывающих изложенные в настоящем докладе глубокие изменения в международной системе. Выработка адекватного подхода к описанию этих изменений и открытая дискуссия о динамике международных отношений может иметь позитивный эффект для сохранения мира и стабильности.

Важнейшим вопросом международной повестки дня является вопрос о дальнейшей роли России в условиях сохранения современной системы международной безопасности. Является ли Россия «государством-агрессором» в точном смысле этого слова? Существует ли внутренняя оппозиция новой геостратегии в самой России? Есть ли надежда на то, что при определённых условиях Москва откажется от новой геостратегии?

Это вопросы, требующие отдельного изучения и глубокой проработки. Одно представляется однозначным: полная международная изоляция России является мероприятием дорогостоящим, труднореализуемым и в целом вредным. Дверь для возврата к конструк-

тивной внешней и внутренней политике для российского руководства должна быть всегда открыта. Однако политика «открытой двери» не должна проводиться в ущерб решительности и даже, если необходимо, жёсткости при реализации тех приоритетных шагов, которые необходимы для предотвращения перехода мира к «многополярной холодной войне».

Центр стратегических и внешнеполитических исследований — это неправительственная некоммерческая независимая исследовательская организация («фабрика мысли»), целью которой является содействие расширению возможностей Республики Беларусь на международной арене путем анализа международных процессов, разработки программ и проектов.

Миссия Центра:

1. способствовать улучшению отношений Беларуси со странами-соседями и другими государствами мира, разъясняя интересы Беларуси, ее цели и действия на международной арене, формируя собственную внешнеполитическую повестку дня, а также содействовать в Беларуси пониманию политики различных иностранных государств;
2. являться примером организации, занимающейся проведением независимых исследований и дискуссий в Беларуси, развитием культуры стратегического мышления и планирования, популяризацией феномена «фабрики мысли», а также выступающей в роли субъекта неправительственной дипломатии;
3. формировать экспертно-аналитическое сообщество, предоставляя площадку для дискуссии по широкому спектру социально-политических мировых и региональных проблем в целом и Беларуси в частности.

Центр ведёт исследования по направлениям «международная безопасность», «евразийская интеграция и постсоветские исследования», «европейская интеграция», «соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Новый Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «инфраструктурное развитие», «промышленная политика», «медиаполитика».

Сайт Центра — www.csfps.by.

Авторы исследования:

Арсений Сивицкий, директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований

Юрий Царик, председатель Наблюдательного совета Центра стратегических и внешнеполитических исследований

Произведение доступно по лицензии СС [BY-NC-ND 4.0](#) «Attribution-NonCommercial-NoDerivatives» («Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений») 4.0 Всемирная.

Изображение: Christian Wei

Верстка: [Bamboobear](#)

